Даже не нужно было видеть выражение его лица — одного взгляда на этот одинокий силуэт издалека было достаточно, чтобы на душе стало тоскливо.

Гэ Лян вздохнул и хотел спросить Ван Е, что делать — позвать его или притвориться, что они ничего не заметили. Но стоило ему повернуться, как он обнаружил, что тот уже набирает голосовой вызов.

На другой стороне улицы Линь У отвел взгляд и только собрался повернуться, как в кармане зазвонил телефон.

— Ван Е? — с некоторым недоумением ответил он.

— Переходи дорогу, — раздалось из динамика.

Линь У опешил и инстинктивно поднял голову.

Ван Е стоял у дверей супермаркета, а рядом с ним Гэ Лян изо всех сил махал рукой:

— Линь У!

Гэ Лян смотрел, как Линь У переходит дорогу по пешеходному переходу и как на его лице расцветает улыбка, будто мгновение назад никакой тоски и в помине не было.

— Вы как тут оказались? — удивленно спросил Линь У, подойдя к ним.

Пока Гэ Лян лихорадочно соображал, как это объяснить, Ван Е заговорил первым:

— Приехали тебя вытащить куда-нибудь погулять.

— А откуда вы вообще узнали, что я здесь? — поразился Линь У.

Ван Е бросил взгляд на вывеску над входом:

— Этот магазин принадлежит семье Лян-цзы.

Линь У поднял глаза вслед за его взглядом. На вывеске красовалось название: «Супермаркет семьи Гэ».

Название и впрямь было приметным. Линь У уже собирался пошутить по этому поводу, но тут его взгляд упал на окно супермаркета. Он интуитивно обернулся назад: так и есть, окно выходило аккурат на двери ресторана на противоположной стороне улицы.

Ван Е ведь не провидец, как бы он смог караулить его в настолько точно выбранном месте?

Гэ Лян вспомнил слова Юань Сыцзе о том, что Линь У блестяще учится и у него великолепная логика. Глядя на реакцию парня, он сразу понял: тот мгновенно сопоставил все факты.

Ну всё, клеймо шпиона, сплетника и доносчика теперь с него не смыть.

Однако Линь У лишь улыбнулся:

— А, просто обедал тут с семьей, — непринужденно пояснил он, а затем вполне естественно спросил у Ван Е: — И чем займемся? Надеюсь, не в карты втроем резаться?

На улице было ужасно холодно, при каждом слове изо рта вырывались облачка пара.

Ван Е зашел обратно в магазин, чтобы натянуть куртку:

— Покатаемся.

Гэ Лян с недоверием покосился на припаркованного неподалеку «синего малыша»:

— Брат Е, ты его на велике катать собрался?..

Линь У тоже опешил.

Снова выйдя на улицу, Ван Е принялся ловить такси, одновременно набирая номер автосервиса, расположенного довольно далеко отсюда:

— Алло, моя машина Ляо-А-икс-икс-икс-икс-икс… Да, красить пока не надо, я сейчас подъеду за ней.

Поднялся ветер, и из неплотно закрытых щелей в окнах донеслось унылое завывание.

К счастью, в супермаркете хорошо топили, так что сквозняк не приносил холода.

Пробивая товары покупателям, Гэ Лян краем глаза поглядывал на Линь У. Тот стоял у окна — по чистой случайности практически там же, где до этого высматривал его Ван Е.

Линь У был высоким и стройным. И хотя от него не исходило такой давящей ауры, как от Ван Е, посреди супермаркета он всё равно притягивал взгляд.

Уходя, покупатели неизбежно сталкивались с ним лицом к лицу.

Встречаясь с кем-то взглядом, Линь У по привычке дружелюбно улыбался.

Люди на мгновение замирали, а затем вежливо кивали в ответ и выходили.

Гэ Лян молча наблюдал за этой картиной, в сто первый раз отмечая про себя, насколько же разные у людей типажи.

Стоило Ван Е встать там, как он сразу напоминал грозного коллектора или свирепого зверя на страже дома. Линь У же одной своей улыбкой приносил весну, заставляя расцветать все вокруг.

Ему даже показалось, что за то недолгое время, что парень пробыл здесь, выручка магазина заметно выросла.

Наконец все разошлись, и в супермаркете воцарилась тишина.

Линь У зевнул — похоже, его клонило в сон.

Гэ Лян испугался неловкого молчания и уже судорожно соображал, о чем поговорить, но Линь У сам повернулся к нему и полушутя-полусерьезно заметил:

— В детстве я больше всего на свете мечтал, чтобы моя семья владела супермаркетом. Думал: бери вкусняшки сколько влезет, и не надо плакать и вымаливать у мамы хоть что-нибудь.

— Ну, раскатал губу, — тут Гэ Лян как никто другой мог поделиться горьким опытом. — Когда я мелким просил что-нибудь съесть, мама ни в какую не разрешала. Говорила, что это всё живые деньги, и если я буду лопать товар, нам скоро придется зубы на полку положить.

Линь У посмотрел на него:

— И ты послушно слушался?

— Ну уж нет! — Гэ Лян гордо расправил плечи. — Мы перед трудностями не пасуем. Раз не разрешали официально, я таскал по-тихому.

Линь У склонил голову набок:

— А потом при инвентаризации вскрывалась недостача, и тебе устраивали сеанс сурового воспитания?

— Черт, ты что, подсматривал? — Гэ Лян мысленно вернулся в детство, и у него даже попа разболелась от воспоминаний. — Ох, это было нечто. Сначала мама устроила мне хорошую трепку, а потом еще и отец подключился — парный разряд, так сказать!

Линь У весело рассмеялся.

— Эх, просто я слишком поздно пробудился, — сокрушался Гэ Лян. — Пробудись я тогда, рванул бы со всех ног — фиг бы они меня поймали и так отделали!

— Хочу напомнить, — Линь У неторопливо поднял руку, — если бы ты тогда пробудился, твои родители тоже пробудились бы.

Гэ Лян лишился дара речи:

— …Ну дай хоть помечтать-то!

Опасения Гэ Ляна не подтвердились — никакой неловкости не возникло. Линь У оказался под стать своему имени: в отличие от Ван Е, от него не исходило ощущения непреодолимой преграды или колючего характера. С ним было легко, и дистанция между ними сократилась сама собой.

В прошлый раз Гэ Лян видел Линь У во время медосмотра. Тогда ему просто показалось, что парень симпатичный и открытый.

Но теперь он понял, что Линь У пошел в мать, оттого в его мужественной внешности и читалась мягкая, притягательная теплота. А за этой жизнерадостностью могла скрываться глубокая тоска, которую он просто не хотел никому показывать.

Душевные раны порой покрываются острым льдом. Иные используют его осколки, чтобы ранить каждого, кто пытается приблизиться. Другие же боятся ранить окружающих, и потому согревают этот лед лучами собственного солнца.

Полтора часа спустя у входа в «Супермаркет семьи Гэ» припарковался черный внедорожник.

Угловатый кузов выглядел сурово и агрессивно, высокий клиренс держался на массивных внедорожных шинах, а передние фары вместе с прожекторами на крыше напоминали глаза хищного зверя, готового в любой момент сорваться в глухую чащу навстречу стае.

Однако весь этот грозный вид мерк перед хаотичными царапинами, покрывавшими машину сплошной паутиной, похожей на абстракционизм Пикассо.

В лучах холодного зимнего солнца каждая царапина отливала серебром, из-за чего казалось, будто внедорожник окутан каким-то безумным спецэффектом.

Линь У и Гэ Лян:

— …

И это называется «покататься»?

Нет, это целый цирковой парад.

Ван Е опустил стекло и коротко скомандовал:

— Залезайте.

Линь У вышел из супермаркета, стараясь не смотреть на кузов слишком пристально, чтобы в глазах не рябило:

— Как ты его так умудрился расписать?..

Ван Е дотянулся со своего места и толкнул пассажирскую дверь:

— Меньше вопросов, садись давай.

Линь У тут же пригнулся и послушно забрался на переднее сиденье — как-никак, когда пользуешься чужой добротой, права качать не приходится.

Ван Е нахмурился, глядя на Гэ Ляна, который продолжал стоять у входа в магазин, будто собрался просто помахать им ручкой на прощание:

— А ты чего стоишь?

— Я? Меня тоже берете? — Гэ Лян сначала опешил, а потом расплылся в улыбке, расчувствовавшись до глубины души.

Ван Е подождал пару секунд, и его лимит терпения исчерпался:

— Ясно, не едешь.

— Да стойте, еду я, еду! — Гэ Лян засуетился, мобилизовав все свои скрытые резервы. С ловкостью и скоростью крушащего квартиру хаски он в мгновение ока запер супермаркет: с грохотом опустил рольставни, защелкнул навесной замок и стрелой влетел на заднее сиденье внедорожника. Хлопнув ладонью по спинке сиденья Ван Е, он закричал: — Брат Е, трогай!

Взревел мотор, и внедорожник влился в транспортный поток.

Нахлынувшие чувства все еще переполняли Гэ Ляна. Он ведь на полном серьезе решил, что Ван Е не собирался брать его с собой. Чем дольше он думал об этом, тем сильнее растроганно сжималось его сердце. Наконец он понял, что обязан выразить признательность:

— Брат Е, клянусь, я теперь за тобой до конца жизни! Железно!

Пятнадцать минут спустя.

Внедорожник несся по Второй кольцевой автодороге. Ледяной, пронизывающий ветер вовсю гулял по салону через открытые окна, так что разница температур внутри и снаружи полностью сошла на нет.

Точнее, разница все же была: из-за бешеного сквозняка в машине было еще холоднее, черт бы его побрал!

Гэ Лян изо всех сил обнимал свое хрупкое, как у замерзающего хаски, тело и истошно вопил сквозь бушующий ураган:

— Брат Е, я передумал! Давай я лучше в следующей жизни буду твоим братом, а?!

Линь У в этот раз был полностью солидарен с Гэ Ляном. К черту вежливость, собственная жизнь дороже!

— Ван Е, закрой немедленно окно!

Стоило им выехать на Второе кольцо, как Ван Е опустил все четыре стекла. Линь У с Гэ Ляном скооперировались и тут же подняли три из них, но до водительского окна дотянуться они никак не могли!

А виновник этого безобразия еще и принялся качать права:

— Мы кататься поехали или где? Какой смысл кататься с закрытыми окнами?

Линь У был на грани безумия:

— Парень, сегодня минус двадцать один градус!

Ван Е отрезал:

— Вот и отлично, салон проветрится.

Гэ Лян на заднем сиденье сжался в три погибели:

— Проветрится?! Да ты нас заживо заморозить решил!

На дороге с ограничением в восемьдесят километров в час Ван Е ехал всего шестьдесят, искренне полагая, что ведет машину крайне осторожно.

Не сводя глаз с дороги, он спросил Линь У:

— Ну что, мозги еще не выдуло?

Линь У опешил и машинально ответил:

— Да вроде нет…

http://bllate.org/book/18288/1753636